

Измена. Я от тебя ухожу

Автор:

Полина Рей

Измена. Я от тебя ухожу

Полина Рей

– Милый! Наконец-то ты приехал! Эта старая кляча чуть не угробила нас с малышом! Я хотела в очередной раз возмутиться и потребовать, чтобы меня не называли старой, но застыла. К молоденькой блондинке, чья машина пострадала в небольшом ДТП по моей вине, размашистым шагом направлялся... мой муж. – Я всё улажу, моя девочка... Где она? Вцепившись в пальцы дочери, я ждала момента, когда блондинка укажет на меня. Муж повернулся резко, в глазах его вспыхнула злость, которая сразу сменилась оторопью. Я крепче сжала руку дочки и шепнула: – Уходим, Малинка... Бежим... Возвращаясь утром от врача, который ошарашил тем, что жду ребёнка, я совсем не ждала, что попаду в небольшую аварию. И уж полнейшим сюрпризом стал тот факт, что за рулём второй машины сидела... беременная любовница моего мужа.

Полина Рей

Измена. Я от тебя ухожу

– Милый! Наконец-то ты приехал! Эта старая кляча чуть не угробила нас с малышом!

Я хотела в очередной раз возмутиться и потребовать, чтобы меня не называли старой, но застыла.

К молоденькой блондинке, чья машина пострадала в небольшом ДТП по моей вине, размашистым шагом направлялся... мой муж.

– Я всё улажу, моя девочка... Где она?

Вцепившись в пальцы дочери, я ждала момента, когда блондинка укажет на меня. Муж повернулся резко, в глазах его вспыхнула злость, которая сразу сменилась оторопью.

Я крепче сжала руку дочки и шепнула:

– Уходим, Малинка... Бежим...

Возвращаясь утром от врача, который ошарашил тем, что жду ребёнка, я совсем не ждала, что попаду в небольшую аварию. И уж полнейшим сюрпризом стал тот факт, что за рулём второй машины сидела... беременная любовница моего мужа.

– Вам всего тридцать пять, Антонина. Беременность и роды в таком возрасте – не приговор, – сказала мне врач, которая только что в десятый, должно быть, раз подтвердила – я беременна.

Беременна неожиданно для себя – в первую очередь, ведь мы с Мишей предохранялись. Мужу было тридцать девять, мы готовились праздновать его сорокалетие. Мне только исполнилось тридцать пять. Нашей старшей дочери сравнялось семнадцать и я уже готовилась вскоре стать бабушкой. Конечно, не в обозримом будущем, но в ближайшие несколько лет так точно. А тут такие новости. Я и младенец. Нет, к такому меня жизнь точно не готовила.

– Давайте проверим ещё раз, – попросила я Галину Викторовну. – Может, гормоны шалют? М? Я читала, что такое бывает, когда вот-вот грядёт менопауза.

Галина Викторовна закатила глаза, а следом посмотрела на меня так, словно у меня во лбу только что загорелась надпись «Идиотка».

– Какая менопауза, Малинина? Было бы вам под пятьдесят, я бы может и согласилась, что вскоре... через несколько лет... она будет. Но в тридцать пять.

Она развела руками и, подвинув ко мне медицинскую карту, велела:

– Вот и УЗИ, не зря же мы его делали. Плодное яйцо – в полости матки. Наблюдаем, вынашиваем, рожаем. Или хотите избавиться?

Я воззрилась на снимок, где видела только какие-то тёмные очертания и ничего больше. И как они тут вообще ребёнка умудряются рассмотреть, не то что плодное яйцо?

– Я... не знаю, – помотала головой.

Мне становилось всё дурнее с каждой секундой. Это был мой третий поход к врачу после довольно продолжительной задержки и на каждом из них Галина Викторовна заверяла – я беременна.

– Ну, если не хотите, так сейчас с этим никаких проблем нет. Хотя, я бы на вашем месте подумала. Младшей уже десять почти. Старшая вот-вот вам внуков принесёт, как вы мне и говорили.

– Вот именно! И я такая распрекрасная с младенцем... Да меня никто не поймёт.

Врач вновь посмотрела на меня так, будто я свалилась с луны. Я понимала её удивление – в тридцать пять в наше время зачастую обзаводились первым ребёнком, планируя после родить ещё как минимум одного. Но у меня была совершенно иная ситуация.

Ранняя беременность, когда мне было всего семнадцать, а Мише – двадцать один. Трудности, когда рядом не оказалось ни бабушек, ни дедушек. Безденежье, отсутствие работы. Учёба... Как мы тогда прошли через это и не развелись, было одному богу известно. И вот теперь вроде как решили, что будем жить для себя. Старшая дочь выросла, младшую мы или брали с собой, когда ездили путешествовать, или оставляли на бабушек, вышедших на пенсию.

У Миши – карьера, когда наконец стали позволять себе довольно многое. У меня – любимое небольшое дело, приносящее стабильный доход. И вдруг – младенец. Нет, эта беременность, в общем-то, совершенно нежеланная, никак не вписывалась в нашу жизнь и в наш быт.

– Ну, это только ваше дело, рожать или не рожать. Кого, сколько и когда. И последнее, что я бы вам посоветовала – смотреть на других. Так что и решение о прерывании принимать только вам, Антонина. Как я и сказала, сейчас с этим никаких проблем нет.

Она вновь развела руками, я – вцепилась в стул. Уходить не хотелось, я хваталась за призрачный шанс, что всё это какая-то ошибка. Потому что в случае беременности любой исход станет для меня катастрофическим.

– Чем-то могу помочь ещё? – спросила Галина Викторовна, когда время моего визита безбожно затянулось.

Я помотала головой.

– Если только скажете, что пошутили и у меня просто гормональный сбой. Это мне поможет, – с нервным смешком ответила врачу, на что та лишь тяжело вздохнула.

Я посидела ещё немного. Мысли хаотично метались с одной на другую. Куда ни кинь – везде клин. Это уж точно было про меня.

– А сколько у меня есть времени на раздумья? – всё же выдавила я из себя.

– Чем быстрее решитесь, тем менее травматичной будет процедура, – ответила Галина Викторовна. И добавила: – Всё будет хорошо, Малинина. А сейчас извините, у меня приём дальше идёт.

Я кивнула и поднялась из-за стола. Прошла к выходу на неверных ногах, после чего покинула кабинет. Лизка, моя младшая дочь, сидела в дальнем конце коридора на скамейке и играла в телефон. Сегодня оставить её было не с кем, потому пришлось взять малую с собой.

– Малинка... Малинка! – окликнула я Лизу её любимым домашним прозвищем.

Она вскинула на меня взгляд, улыбнулась. Отключила игру и, встав, подошла ко мне.

– Всё в порядке, мам? Можем ехать домой?

Я погладила Лизу по голове и, улыбнувшись, кивнула.

– Можем. Пошли в гардероб за одеждой.

Водительский стаж у меня был весьма внушительным. Я уверенно садилась за руль с восемнадцати лет, когда только родила и от деда мне досталась старенькая Нива. Это была скорее вынужденная необходимость, чем потребность, но она здорово «прокачала» мои навыки в вождении.

Потому момент, когда мне пришлось с силой жать на тормоз, стал для меня полнейшей неожиданностью. А звук глухого удара – так вообще катастрофой вселенского масштаба.

Сердце заколотилось, я сидела, вцепившись пальцами в руль и смотрела впереди себя ошалелым взглядом.

– Мам! Мам, ты в порядке? – донеслось с заднего сидения, где находилась Лиза.

Резко обернувшись, я быстро открепила ремень безопасности и затараторила:

– Я в порядке! Ты как? Не ушиблась? Не напугалась? Где-то болит?

Адреналин попадал в кровь внушительными порциями. Сердце билось изнутри, этот грохот едва не доходил до горла.

– Мам! Я в порядке. Вроде несильная авария, – ответила Малинка, и я выдохнула.

Итак, перво-наперво – аварийка. Её я включила и, растерев лицо ладонями, сделала несколько рваных вдохов-выдохов. Что нужно делать в первую очередь? Европротокол? Куда звонить? Кому писать?

Я взглянула на часы. Миша, конечно же, был на работе. Отвлекать мужа не хотелось, пока не посмотрю – какова степень повреждения и нашей машины, и того авто, в которое мы с Лизкой угодили.

– Малюсь, я выйду и осмотрюсь. Одна побудешь? Не страшно? – вновь повернулась я к дочери, которая помотала головой.

– Нет, мам. И не переживай так. Если что – папа точно всё уладит.

Я невесело улыбнулась. Дочь была права. На Мишу можно было положиться в решении множества вопросов, но разве я сама – не взрослая девочка, способная справиться почти с любой проблемой?

Выйдя из машины, я прошествовала к весьма дорогому мерседесу, которого и «поцеловал» мой Ниссан. Чертыхнулась. Авто дорогое, люксовое, что только усложняло дело. Интересно, хватит ли нам денег, чтобы покрыть все расходы?

– А! Вот! Вот она! – взвизгнула девица, видимо, сидевшая за рулём мерседеса в тот момент, когда я в него и влетела. – Вы понимаете, что натворили? А?

Одной рукой она придерживала аккуратный животик, другой – поправляла шубку на плече. Тоже весьма дорогую, если судить по первому взгляду – подумалось мне.

Я вообще отстранённо отмечала какие-то вещи – видимо, работал механизм самосохранения. Например, о том, что ухоженная блондинка в солнцезащитных очках, хотя сейчас всю властвовало пасмурное утро. Атрибут что ли у неё такой?

– Мне очень жаль, что так вышло. Это случайность, – сказала, вновь покосившись на живот незнакомки.

В голове мелькнула мысль – ты ведь тоже беременна, Тоня. Тебе тоже стоит думать о том, чтобы защитить ещё и ребёнка. Ведь эта блондинка делала всё, чтобы показать – она в уязвимом положении, она изначально нуждается в более лояльном отношении.

– Случайность? – выкрикнула блондинка и вдруг выдала: – Случайность – это когда ты, старая калоша, села за руль машины вместо того, чтобы сидеть тихо-мирно на своём огороде и не лезть туда, где люди живут нормальной жизнью. Вот что такое случайность! А это – авария! И ты чуть не убила меня и моего

ребёнка!

Она заходила туда-обратно, стала кому-то звонить. Я не прислушивалась к разговору блондинки, потому что в ушах зашумело от её эпитетов в мой адрес. Так... Соберись, Тоня. Об этом ты подумаешь потом. У девицы, которая на пару лет старше твоей первой дочери, просто посттравматический синдром. А тебе нужно думать о себе, Лизе и о своём здоровье.

– Добрый вечер, я бы хотела вызвать наряд, потому что попала в аварию, – кашлянув, я принялась ждать ответа, когда позвонила в экстренные службы. – Нет, повреждения не сильные. Европротокол? Я... Я не спрашивала. Сейчас.

Подойдя к блондинке, которая буквально вопила в трубку, опять не забыв пройтись по мне и моему «возрасту», я окликнула её:

– Можно вас на секунду?

Она замолчала и, повернувшись ко мне, приподняла очки на лоб. На меня воззрились ледяные серые глаза, в которых полыхала ненависть. Господи, я и представить себе не могла, что человек может испытывать такие эмоции от того, что его машину немного задела.

– Что тебе? – рявкнула блондинка в ответ.

Я сцепила челюсти. Разговаривай так с кем-то Надя, моя старшая, я была бы первой, кто сказал ей, как она неправа.

– Спрашивают, можем ли мы составить европротокол?

Лицо незнакомки исказили гримаса отвращения и недовольства.

– Никакого европротокола! Мой муж уже вызвал сюда сотрудников ГИБДД. Ясно? Так что сиди и жди, когда приедут.

Она вновь приложила телефон к уху и принялась кому-то жаловаться. Кажется, там прозвучало слово «мама». Я же покачала головой, сбросила вызов и развернулась, чтобы быть рядом с Малинкой до приезда тех, кто, как я

надеялась, совсем скоро избавит нас от этой ужасающей ситуации.

– Мам, а давай на улицу выйдем? – предложила Лиза, когда мы прождали сотрудников ГИБДД пятнадцать минут, проведя их в салоне авто.

Я лишь бросала быстрые взгляды через лобовое стекло на то, как «пострадавшая» фланирует туда-обратно в паре метров от капота своего мерседеса. Интересно, ей не надоело мельтешить и с кем-то бесконечно говорить по телефону?

– А давай, – согласилась на предложение Малинки. – Только нам стоит договориться.

Я посмотрела на дочь через зеркало заднего вида. Лиза глядела в ответ со всей серьёзностью, на которую была способна в своём возрасте.

– О чём, мам?

– О том, что стоит подъехать тем дядям, которые нам помогут отсюда быстро свинтить, как ты опять сядешь в машину.

Лизка запрокинула голову и расхохоталась.

– Свинтить! Папа так говорил про какие-то штуки, которые накручивал, а потом долго откручивал, когда подключал шланг на даче, помнишь?

Я невольно улыбнулась, стоило воспоминаниям о лете, которое совсем недавно кануло в небытие, всплыть в голове. И вновь рука сама по себе потянулась к телефону. Набрать, что ли, номер Миши?

Нет... Вот нет и всё! Сама решу все проблемы с этой fifой, которая обозвала меня старой калошей. Ну, надо же! Старая калоша!

Я вновь бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Да, не красилась совсем. Но за собой ухаживала. На кремах не экономила, покупала дорогие, на

что уходила значительная часть бюджета. И результат был налицо – морщинки если и имелись, то только мимические.

Вздыхнув, я вышла на улицу. Кому дорогую машину, а кому дорогой крем. И почему мне сейчас в принципе эти мысли в голову лезут?

– Мам, а мы вроде не так сильно тут и повредили всё, – задумчиво сказала Малинка, выйдя следом за мной и, подойдя к тому месту, откуда прекрасно просматривался «поцелуй» двух машин.

– Девочка! Ну-ка брысь! – тут же налетела на Лизку эта дамочка, которой, кажется, беременность в голову ударила. – Знаю я такое! Сейчас все следы сотрёшь и всё! Брысь, я сказала! – завопила она и начала махать на Малинку руками.

Я задвинула дочь за спину, почувствовав такую агрессию, какой не ощущала до этого момента ни разу в жизни. Если оскорбления этой недалёкой дуры в свой адрес я ещё готова была проглотить, то когда нападали на моих детей – уж точно нет.

– Ещё раз так обратишься к Лизке – рот с мылом помою! – отчеканила я, вперившись взглядом в блондинку.

Та сначала застыла, а затем медленно приподняла тёмные очки и смерила меня презрительным взглядом.

– Сейчас муж мой приедет и ты не то, что мылом... ты языком мою тачку полировать будешь! – выплонула она, впрочем, почти сразу ретировавшись.

Я сделала глубокий вдох и, обернувшись к Малинке, крепко взяла её за руку.

– Пойдём чуть отойдём, – сказала дочери, ощутив какую-то чудовищную усталость, что выпотрошила меня целиком. – И подождём уже спецслужбы.

На что Лиза уверенно кивнула. Её такими закидонами, которые выдавала беременная нахалка, было не запугать.

Прошло ещё десять минут. Мы с Лизкой начали ощутимо подмерзать, но возвращаться к месту ДТП не хотелось. Начало декабря было странным – то с неба падал дождь, едва ли не летний, потому что «за бортом» было аж двенадцать градусов. То подмораживало и снег валил огромными крупными хлопьями. То как сейчас – вроде и стыло было, а вроде и осадков не ожидалось. Лишь запоздалое питерское утро с серо-розоватым небом, которое было настолько пасмурным и унылым, что хоть в голос вой.

– Милый! Наконец-то ты приехал! – донёсся до нас с Лизой истеричный голос блондинки.

Мы с дочерью переглянулись и вроде как даже воспряли духом, рассчитывая на то, что уж теперь, когда приехал спаситель этой хабалки, всё закончится быстро.

– Эта старая кляча чуть не угробила нас с малышом! – продолжала вещать она, на что мне захотелось возмутиться и потребовать, чтобы меня не называли старой.

Но вместо этого я лишь застыла на месте, будто меня сковало морозом.

К той, которая не раз меня оскорбила, пройдясь по моему возрасту, и чья машина пострадала по моей вине, размашистым шагом направлялся Михаил.

Мой муж.

Я моргнула раз-другой. Рассчитывала на то, что эта ужасная картинка рассеется, но ничего не происходило. Ничего, чёрт бы всё побрал, не исчезло! Это действительно был Миша.

– Я всё улажу, моя девочка! – заявил он, положив руки на плечи блондинки.

Она тут же уткнулась ему в грудь и тело её стало содрогаться, пока Михаил «сканировал» пристальным взглядом окружающую обстановку.

– Где она? – потребовал он ответа.

Теперь я целиком и полностью сконцентрировалась на том, что станет делать муж. И вцепилась крепче в пальцы дочери, ожидая момента, когда его любовница укажет на меня. И точно – через мгновение наманикюренный палец с острым коготком завис в воздухе, направленный на нас с Малинкой.

Михаил обернулся и в глазах его я увидела адовое пламя злости. Которая, впрочем, в следующее мгновение сменилась оторопью.

Я могла сделать многое. Например, подойти к блондинке и сказать: «Привет, я законная жена этого человека, и, похоже, спасти муж должен не тебя, а меня». Но я не готова была даже к сотой доли того, во что меня сейчас макнула жизнь.

Лишь в голове билась мысль – ты должна сберечь детей. Прежде всего – Лизку. Чтобы только она не стала зрителем того, во что могла превратиться эта и без того отвратительная сцена.

Потому, крепче сжав ладонь Малинки, скомандовала:

– Уходим... Бежим быстро!

И мы обе, сорвавшись с места, помчались куда глаза глядят, искренне надеясь на то, что за нами не будет организована погоня.

Погони не оказалось. Выдохнуть и я, и Лиза смогли только когда очутились в переполненном вестибюле метро. Я просто увидела станцию по правой стороне проспекта, по которому мы бежали, просто толкнула дверь и, заведя за собой дочь, пронеслась мимо касс и остановилась.

Дыхание было сбивчивым, а сердце колотилось о грудную клетку. Малинка запыхалась не так сильно – видимо, сказывались занятия спортивной акробатикой. Дочь хмурилась и была озадачена, но каких-либо следов подступающей истерики я, слава всем святым, не обнаружила. Чего нельзя было сказать обо мне.

– Mam... Это же папа был, – сказала Лиза, когда я немного отдышалась. И вдруг ошарашила меня совершенно наивным: – Так нам вернуться нужно и сказать ему, чтобы помогал не этой чужой тётке, а тебе!

Я кривовато улыбнулась тому, как прозвучали слова Малинки. В сущности, она была ещё такой маленькой...

– Сейчас мы поедem домой, а потом уже будем решать, что и кому скажем, хорошо?

Я стала копаться в карманах, плохо соображая, что делаю. Сумка, как назло, осталась в машине. Зато у Лизки на плечах висел её рюкзачок. Хорошо, что я сообразила какое-то время назад сделать дочери детскую банковскую карточку, чтобы Лиза уже училась обращаться с этим неотрывным атрибутом нашей жизни.

– Малинка... придётся мне взять у тебя в долг на метро, – вздохнула я, и когда дочь быстро стащила рюкзак и протянула мне карту, снова улыбнулась, на этот раз сквозь слёзы.

В голове был туман, я чувствовала себя так, словно к ногам привязали многопудовые гири. Но всё же нашла в себе силы оплатить нам с Лизкой проезд и направиться домой.

А когда добралась до него – меня ждал сюрприз. У подъезда был припаркован мой Ниссан, а в окнах квартиры горел свет.

Первым порывом было желание никуда не подниматься, а поехать, скажем, погулять по какому-нибудь торговому центру. Мы с дочерью переглянулись – Лиза нахмурилась и насупилась. С Мишей мы ругались от силы пару раз в год, да и то по каким-то незначительным поводам. И сейчас Малинка наверняка понимала – скандала, свидетелем которого она станет, не избежать. Эта мысль меня разозлила и подтолкнула к действиям.

Зайдя в подъезд, я с силой нажала кнопку вызова лифта, ни слова не говоря притихшей дочери. Времени на то, чтобы что-то ей объяснить, мне попросту не оставили. Да и смысла в этом не имелось – Лиза была смышлёной девочкой.

Когда я открыла дверь в квартиру, в первую очередь инстинктивно прошлась взглядом по обуви в прихожей. Идиотское предположение, что Миша мог притащить сюда свою «девочку», не подтвердилось. А хотя, о чём это я? Вряд ли такие царские особы, как она, желают опускаться до разговоров со «старыми

калошами».

– Малюсь, руки помоешь и пока посидишь у себя, хорошо? – спросила я у Лизки, когда дочь решительно стащила обувь и пуховик.

Она помотала головой и вдруг удивила меня тем, что напрямик направилась на кухню, откуда доносился запах свежесваренного кофе. Муж, видимо, потчевал себя им в ожидании того, когда мы вернёмся.

– Пап... А что это за женщина была? – спросила Лиза, уперев руки в бока, когда добралась до отца. – Она со мной плохо говорила и ругалась.

Я вошла на кухню следом за Малинкой. Встретилась взглядом с мужем, но он сразу же отвёл глаза и посмотрел на дочь.

Отставив чашку кофе, Миша оттолкнулся от столешницы, на которую опирался бедром и, присев перед дочерью на корточках, улыбнулся.

– Лизуня моя... Какая ты уже взрослая.

Я застыла в изумлении. Вообще-то ребёнок вёл речь вовсе не об этом. Или Миша так намекал на то, что Малинка находится в том возрасте, когда ей можно поведать всё о его любовнице?

– Папа... Что это была за женщина? – Голосок дочери всё же дрогнул. – Она обзывала маму!

Я видела, что личико Лизы начинает кривиться, но дочь стойко держится, ожидая ответа Миши.

– Давай я расскажу это маме, хорошо? – спросил он после небольшой паузы.

Всё, что я могла сказать о его реакции – Михаил заметно нервничал. Побледнел, на лбу под непослушным тёмным вихром волос с нитями серебра выступили бисеринки пота.

Лиза обернулась и взглянула на меня вопросительно. Моя маленькая девочка, бросившаяся отвоёвывать и себя, и свою маму.

– Мы с твоим папой сейчас всё обсудим, – как можно спокойнее сказала Лизке. Правда, голос выдавал меня с потрохами. – И почему он помогает чужим тётям, а не нам, и почему эта чужая тётя в принципе вела себя так, будто её никогда не воспитывали.

Растянув губы в насквозь фальшивой улыбке, когда увидела предупредительный взгляд поднявшегося на ноги Миши, я протянула руку Малинке и когда дочь подошла, быстро прижала её к себе.

– Сейчас иди к себе, пожалуйста. Я скоро приду и мы поговорим.

– И я тоже приду... – вступил Миша.

Лиза сделала глубокий вдох и, после некоторого колебания, всё же пошла в свою комнату. А я в этот момент ощутила себя так, словно из-под ног уходит земля. Добралась до ближайшего стула, на который и опустилась.

– Я всё уладил, – заговорил муж. В его голосе теперь засквозили уверенные, даже деловые, нотки. – Приедешь в отделение и поставишь пару подписей. Разошлись по обоюдке, так что никаких возмещений Лия требовать не будет.

Я слушала это, а мне казалось, что попала в фантастический фильм, в котором кто-то похитил тело моего мужа и вселил туда какого-то робота. Настолько механическим и чужим был голос того человека, которого считала самым родным. Захотелось взять и сделать хоть что-то, чтобы Миша перестал быть... «пластмассовым».

– Миша... – позвала я, глядя на мужа, который старательно отводил взгляд. – Я требую, чтобы ты всё мне рассказал!

Вышло жалко. Хотелось, чтобы я звучала уверенно и хоть немного сурово, но получилось так... невзрачно.

Малинин вздохнул и, подойдя к столу, сел на противоположной от меня стороне.

– Нужно было уже давно тебе всё рассказать, – проговорил он, глядя на меня прямо. – Я всё за Лизу переживал, что она маленькая, не поймёт.

– Переживал, что она не поймёт? А когда в койку к другой бабе ложился, переживания отключались?

Миша поморщился.

– Тонь, у нас давно всё с тобой как-то... пресно, что ли. Ты не замечала? Я и в постель супружескую ложусь, прости... как к хорошему другу.

Я округлила глаза от того, как отвратительно это прозвучало. Мерзко настолько, что во рту у меня стало так горько, что показалось, будто прямо в глотку напихали цианида.

– Какие у тебя интересные ассоциации, – хрипло выдохнула я. – Продолжай. Значит, у нас с тобой пресно, постель – как между двумя друзьями... Поэтому ты уже минимум полгода спишь с молоденькой девочкой, больше похожей манерами на хабалистую работницу рынка.

В моей голове вихрем пролетали мысли. В основном о том, что я ведь ничего из того, что сейчас озвучил Миша, не замечала. Считала себя счастливой женщиной, которая восемнадцать лет живёт в крепком браке. Нерушимом, как скала. Раз уж мы столько всего прошли в молодости, когда ветер в голове гулял, сейчас, когда повзрослели, и вовсе стойко выдержали бы любой удар судьбы.

Выходит, жестоко ошибалась и обманывалась.

– Лия не работница рынка, – неожиданно жёстко ответил муж. – Она – довольно известная модель. И у нас отношения, которым скоро год.

Он сверкнул глазами, посмотрел на меня тем взглядом, которым частенько окорачивал тех, кто шёл поперёк Мишиной воли. И добавил холодно:

– Поэтому я от тебя ухожу, Тоня.

Я подавилась следующим вдохом. Смотрела на незнакомца, сидящего напротив, и не верила своим глазам. Миша вот так просто признавался во всём. Говорил, что целый год мне изменяет. Год! Триста шестьдесят пять дней, каждый из которых я была рядом. Стирала ему рубашки, как бы банально это ни звучало, готовила ужин, встречала с работы. Строила планы на то, как наша жизнь будет протекать дальше. Сначала вырастим детей, потом станем много путешествовать. О, так вот почему я подсознательно так открещивалась от того, что снова забеременела! У меня в голове имелся план того, как мы будем жить дальше, и ребёнок в эту самую вероятность будущего никак не вписывался. Только делала я это не только для себя, но и для Миши. А выходит, мои фантазии о реальности, которая наступит через время, были нужны только мне. Ведь муж уже жил совсем иной жизнью.

– Значит, известная модель, – шепнула я, теребя в пальцах салфетку.

– Да. Из Питера. Добилась всего своей красотой.

Он сказал это, а у меня к горлу подступил рвотный позыв. Меня никак нельзя было обозвать писаной красавицей, хотя мужчинам я нравилась. Невысокая, с широкими бёдрами. Волосы длинные, на что моя тётя регулярно фыркала и заверяла, что эта причёска меня старит. Да и внешность самая обыденная.

А вот Лие повезло больше – она, видите ли, всего добилась своей красотой.

– Тонь... Я очень тебе благодарен за годы нашего брака. За детей. Трудно представить двух девочек, которые были бы более счастливыми, чем Надя и Лиза. И всё это – твоя заслуга. Но они выросли. Малинка вон какая взрослая! Ух, как на меня налетела!

Он рассмеялся, а мне захотелось взять что-нибудь потяжелее и стукнуть его по голове.

– Тебе смешно, Миш? Правда – смешно?

Он перестал ухмыляться, на лице вновь появилась маска безразличия. Интересно, репетировал ли всё это муж? Подбирал ли слова? Выстраивал ли фразы заранее?

– Мне не смешно, Тоня. Я просто пытаюсь сделать так, чтобы этот разговор стал для тебя менее болезненным.

Прикрыв глаза, я досчитала до пяти. Менее болезненным... ну надо же! Ведь нельзя было отрицать тот факт, что каждое произнесённое Мишей слово резало острее самого заточенного ножа, ведь так? Неужели Малинин считал, что можно хотя бы попытаться сделать мне менее больно?

– Он не может стать таковым по определению. Ещё утром я знать не знала, что сегодня попаду в аварию, а за рулём будет сидеть беременная любовница моего мужа, с которым мы прожили больше половины моей жизни. – Нервно рассмеявшись, я подалась к Мише и потребовала ответа: – Так ты думаешь есть хоть что-то, что способно стать моей анестезией?

Он смотрел на меня пристально. Холодный, отстранённый, чужой... Мой Миша, который таковым уже не являлся. Спал год с этой своей хабалкой-моделью, заделал ей ребёнка. И готовился нанести удар в спину буквально на днях.

Так может, провидение сегодня послало мне эту аварию?

– Ни Надю, ни Лизку я не оставляю, естественно. Стану содержать, пока Надежда не закончит учиться, а Малинка не вырастет. Выберет учёбу – стану оплачивать. А на нет и суда нет, – он развёл руками.

– Ты это давно стал продумывать, Малинин?

Миша нахмурился и посмотрел на меня так, словно не понимал, какого чёрта я ещё и вопросы задаю.

– Продумывать что? Если ты о том, что собираюсь нести ответственность за своих детей – то я начал продумывать всё ещё до того, как они родились.

Я усмехнулась и вновь стала комкать в пальцах салфетку. В том, каким отцом был Малинин, я не находила изъяна ни разу за все восемнадцать лет. Он обожал наших дочерей, обеспечивал их всем. И дело было вовсе не в деньгах. Надька, например, бежала к нему первая и болтала без умолку часами, когда Миша возвращался с работы пораньше. И то, что сейчас обрисовал муж, по сути

являлось проявлением отцовской ответственности. Вот только меня мороз сковывал от слов Миши – настолько безразлично они звучали.

– Я не о том... Я о твоём уходе. Мы ведь с тобой спали не далее как пару дней назад. Значит, ложился со мной в койку, а сам уже мечтал о том, как уедешь жить к своей соплячке?

– Лие двадцать! И никакая она не соплячка! Попридержи язык, Тоня! Лия – мать моего будущего ребёнка!

Он со всей дури шарахнул по столу кулаком. Вскочил на ноги и метнулся к окну. Я до боли закусил нижнюю губу, испытывая желание защититься. В первую очередь – самой, а уж потом – встать грудью, но спасти своего нерождённого малыша.

Как странно... Ведь ещё несколько часов назад я умоляла врача сказать мне, что ребёнка попросту не существует.

– Значит, развод, я верно понимаю? Квартира эта на нас двоих записана – так и собираешься всё оставить? Судя по тому, какие покупки ты делал любовнице, с деньгами у тебя всё в порядке. А твоя фирма – её ведь будем тоже поровну делить?

Вопросы сами по себе срывались с моих губ. Каждый из них Мише явно не нравился – я видела это по крепко стиснутым челюстям и ледяному взгляду, которым Малинин буквально меня прожигал.

– Ну и твоя ответственность, когда станешь содержать дочерей. Это ты уже озвучил. Я ничего не упустила?

Призвав на помощь все свои силы, я воззрилась на Мишу, а у самой внутри чувство появилось, что желаю в следующую секунду услышать, будто всё это розыгрыш. Что авария – подстава. И что вот так Малинин решил меня разыграть. Но не тут-то было.

– Квартиру я оставлю вам. Машину твою пока тоже, хотя она на меня записана. Детей содержать тоже стану. Но на этом всё. К фирме руки даже не тяни, Тоня.

От неё тебе ничего не достанется. У тебя есть своё дело, вот им и занимайся.

Он шагнул к выходу из кухни, и я инстинктивно вскочила на ноги.

– Пойду с Малинкой поговорю, – сказал Миша непререкаемым тоном, смерив меня взглядом, в котором сквозило: «А ты не лезь». И добавил спокойнее: – Объясню ей случившееся.

– Нет!

Я выпалила это слово раньше, чем успела бы подумать. С одной стороны, Лизка уже дала понять, что настроена весьма воинственно. С другой – кто его знает, что там наплетёт дочери Малинин.

Он уже вышел из кухни и застыл на месте, когда услышал то, что я сказала. Резко обернулся, прищурился. В глазах полыхнуло нечто подобное тому, что я видела во взгляде его любовницы.

– Нет, – добавила тише, но ещё более твёрдым тоном. – С Лизой мы поговорим вместе. И точка.

Заложив руки в карманы брюк, Миша повернулся ко мне всем корпусом. Я вскинула подбородок, как бы говоря этим – буду стоять на своём до победного.

– Окей! – согласился он. – Но только есть условие – о Лии говорю я. Никаких ремарок ты вставлять не станешь.

Я вскинула брови – по нутру полоснуло очередной вспышкой боли, смешанной со злостью.

– Будешь рассказывать про модельку, а заодно про то, что она скоро родит Малинке брата или сестру? – уточнила ледяным тоном, на что ушли все остатки моих сил.

– Не зарывайся... И да – у Лизы будет брат. Лия скоро родит мне сына.

Я поджала губы, едва сдержавшись и не положив ладонь на живот в машинальном жесте. О том, что я беременна, Миша знать был не должен. По крайней мере, пока. До момента, когда я решу, что мне делать дальше с этим неожиданным ребёнком.

– Не перегибай палку, Малинин. Услышу, что ты поёшь дифирамбы своей красотке – выскажу всё, что об этом думаю, – процедила и, пройдя мимо Миши, который даже не отступил с прохода, направилась в комнату дочери.

Едва мы с Михаилом зашли к Лизке, я поняла – она слышала если не всё, то какую-то часть нашего разговора уж точно. Окинула нас обоих затравленным взглядом, и только за одно это мне захотелось сделать хоть что-то, чтобы все причастные к горю моего ребёнка обязательно за это ответили.

– Лизунь... – начал Миша, на что Малинка посмотрела на отца так, словно он собственными руками занёс над ней дамоклов меч.

– Ты уходишь к той тёте и она скоро родит тебе ребёнка, – процедила Лиза и отвернулась.

Прижала к себе длинного игрушечного кота, которого мы не так давно купили ей в Сочи, где катались на лыжах. Когда это было? Чуть меньше года назад. И тогда уже, судя по всему, Михаил был знаком со своей Лией.

– Да, малыш... Мы с мамой разлюбили друг друга. Теперь у меня другая женщина, она беременна... Так бывает, Малюсь... – продолжил сбивчиво муж, а мне захотелось вновь взять какой-то тяжёлый предмет и лупануть по Малинину со всей дури.

– Я об этом не знала, – сказала, испытывая желание сделать хоть что-то, чтобы для Лизки всё не выглядело так, будто мы с её отцом уже не раз обговорили всё и не пришли теперь просто поставить дочь перед фактом.

– Пап... Пап, ну ты чего? – вдруг выдохнула Лизка, после чего лицо её искривилось, и она разрыдалась.

Надрывно, горько и отчаянно. Уткнулась лицом в своего кота и, вздрагивая всем тельцем, ревела так, будто у неё сейчас вся жизнь рушилась. А ведь именно так всё и обстояло.

– Уйди, Малинин! – рявкнула я, бросаясь к дочери, когда Миша попытался неловко прижать её к себе, а Лиза начала вырываться. – Уйди!

Я вклинилась между ним и Малинкой. Меня начало трясти. Мы встретились с мужем глазами – в его взгляде полыхала чернота. Показалось, что Миша вот-вот откинет меня прочь и продолжит «успокаивать» дочь, но он вдруг чертыхнулся через крепко стиснутые зубы и, отстранившись, отступил.

Я дышала тяжело и надсадно, прижала к себе Лизку, которая вцепилась в меня так, словно я была спасением в бушующем океане её жизни. И только моя близость могла удержать её на плаву, дать возможность выжить.

– Вещи позже заберу, – хрипло проговорил Малинин, задержавшись на пороге Лизкиной комнаты.

Взъерошил волосы пятернёй, снова выругался. Клянусь – ещё минута, и я бы действительно швырнула в него чем-нибудь увесистым. Но Михаил пробормотал:

– Я люблю тебя, Лиз... помни это всегда.

После чего вышел сначала из комнаты, затем – из квартиры. И Малинка, жалобно всхлипнув, продолжила оплакивать свою прошлую счастливую жизнь, что сегодня для неё была грубо оборвана отцом. Я я не удержалась – позволила горячим горьким слезам потечь по щекам.

И они были лишь крохотным способом избавиться от тех эмоций, которые бурей проносились сейчас внутри.

Малинка села делать уроки. Я с удивлением наблюдала за тем, как Лиза смогла собраться после того, что стряслось. И вот устроилась за столом, чтобы наверстать пропущенный школьный день.

– Напишу Полине, она точно знает все задания, – всхлипнув, сказала дочь, доставая из рюкзака школьные принадлежности.

– Может, в электронном дневнике посмотрим? – уточнила я осторожно, боясь нарушить Лизкино спокойствие.

Даже если оно было искусственным и дочь его выдумала – я была бы последней, кто стал бы отнимать у Малинки эту защитную реакцию.

– Нет, девочки точно знают, – ответила Лиза и уткнулась в свои занятия.

Тихо притворив дверь, я вышла из комнаты дочери и направилась на кухню. Добравшись до неё, тяжело оперлась ладонями на стол. Здесь всё ещё пахло кофе, который совсем недавно себе заварил Миша.

Будь у меня возможность стереть из памяти сегодняшнее утро, точнее всё, что случилось после того, как мы с Лизой покинули консультацию и поехали домой, я бы сейчас просто решила, что у меня самый обычный день.

Чашка мужа, оставленная ровно там же, где он обычно её и забывал, не донеся до посудомоечной машины. Планы на вечер, когда стала бы продумывать, чем побаловать своих детей и Мишу. И несколько заказов, что должна была изготовить в срок. А ещё...

– Чёрт! – выдохнула я, когда раздался звонок в дверь.

Вспомнила, что как раз сегодня ко мне должны были прибыть мама и тётя. Грозилась привезти пирожных и устроить чаепитие. Вот только я совсем не была готова ни к этому нашествию, ни к тому, что так или иначе с ними придётся поделиться новостями.

– Тара-а-ам! – воскликнула тётя Алика, когда я открыла дверь.

Она подняла вверх коробку с пирожными и улыбалась так, словно сейчас был самый лучший день в её жизни. Ошарашить с порога тем, что у меня, напротив, самый дерьмовый день?

- Проходите, - сказала я, отступая.

Тётя тут же засуетилась в прихожей, мама окинула меня недовольным взглядом. В общем и целом я знала - рождение дочери стало для неё не самым приятным эпизодом в жизни. Она была любимицей в семье - её отец, мой дедушка, просто обожал единственную дочь. Но отчего-то вложил в её голову какую-то чушь. Вроде того, что она непременно должна родить сына. И мне с самого моего рождения тоже вбивали эту ахинею. Говорили, что раз уж я не уродилась мальчиком, то просто обязана воплотить программу рода в своих детях. Надо ли говорить, что и Надя, и Лиза «программой рода» совсем не являлись?

- Так... С настроением у тебя не очень, - озвучила очевидное тётя Алика.

Она устроилась за столом, велела:

- Наливай чай! Пирожные к чёрту! И рассказывай, что же у тебя такого стряслось.

Я вздохнула. Короткий взгляд на мать дал понять - ей или плевать на то, что я сейчас скажу, или она сделает всё, чтобы я укрепилась в этом знании.

Поставив кружки перед Аликой и мамой, я присела рядом с ними и проговорила:

- Сегодня я попала в аварию.

Глаза тёти и матери округлились, на что я поспешно отреагировала:

- Всё в порядке, все живы! Но... В общем, я врезалась в машину, в которой сидела беременная девушка. И не просто девушка - а любовница моего мужа.

Тишину, что воцарилась, когда я сказала главное, можно было резать ножом. Я и сама понимала, насколько ужасно прозвучало то, что я озвучила. Но мне нечего было присовокупить к сказанному. И нечего было сказать маме, чтобы она перестала пялиться на меня так, словно видела впервые в жизни.

- У Миши... есть любовница? - вскинув брови, спросила она так, как будто в этот самый момент уже мысленно наклеила мне на лоб клеймо «идiotка».

Я взяла паузу на то, чтобы перевести дух.

«Мишенька просто чудо. Тебе нужно сделать всё, чтобы он остался рядом».

«Ты постирала свитер Мише? Он говорил, что ему важно быть на семейном празднике именно в этом свитере!»

«Надя сказала, что вы с Мишенькой поругались. Какая кошка между вами пробежала? Ты что, с ума сошла, Тоня? Кто ты без Миши?»

В голове всплывали фразы матери, что она раз за разом выдавала на протяжении всей моей жизни, давая понять, что без Миши я для неё лишь какое-то приложение к тому, что гордо называется человеком. Вот только я сама так не считала и готова была биться за это до последнего вздоха.

– Да, мама, представь себе. У твоего идеального зятя, которому, по твоим словам, можно земные поклоны бить за то, что он взял в жёны твою дочь, есть любовница.

Я откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. Переглянулась с Аликой, увидела в её глазах поддержку, что придало мне дополнительных сил.

– Думаешь, мне стоит и дальше играть роль всепрощающей жены? Или всё же стоит вспомнить о собственном достоинстве? – с вызовом спросила у матери и замолчала, ожидая её ответа.

Она фыркнула и вскочила на ноги. Ну, конечно! Посягнули на святое. Отошла на пару шагов и скопировала мой жест – точно так же закрывшись.

– Ты так говоришь, будто бы Миша только и делал, что ошибался, и что его постоянно нужно было за что-то прощать. Да, по молодости я помню его закидоны. Но ты представь – молоденький мальчик, а на него упала беременная баба!

– Алин... подбирай слова, – это уже вступила тётя. – Не баба, а семнадцатилетняя девочка. И беременной её сделал ни кто иной, как сам Михаил.

Пока я подбирала слова, чтобы одной фразой, которая вертелась на языке, не завершить наши материнско-дочерние отношения, Алика озвучила ровно то, что я и сама бы сказала, если бы не была сейчас настолько заведена.

– Можно было сделать аборт. Я предлагала, – передёрнув плечами, не осталась в долгу мать.

– О, отлично! Мы с Мишей, конечно, скрывали от Нади тот факт, что ты пыталась нас заставить пойти на убийство собственного ребёнка, но теперь, когда она вернётся из школы, ты ей об этом сама скажешь, идёт?

Перед мысленным взором, словно наяву, появились картинки прошлого. Как я, семнадцатилетняя девчонка, узнала о беременности, и то, каким скандалом это всё обернулось. Мама разве что адреса клиник, где мне «должны были помочь», по всему дому тогда не развесила, настолько остро восприняла факт того, что скоро станет бабушкой.

А сейчас она души в Наде не чаяла, равно как и старшая дочка – в ней. Так что моё предложение било по самым чувствительным точкам маминой души.

– Я пойду к Лизе, – буркнула она, направившись к выходу из кухни. – Но тебе мой совет, Тоня, не руби с плеча. Наиграется Миша и к тебе вернётся. Ну ребёнок на стороне, подумаешь. Но ты-то женой останешься. При мужике хорошем. Ты – главная, запомни это. А там, – она неопределённо махнула рукой, – у него хоть целый детский сад может быть, ерунда это всё. Или ты в счастливых дурных фантазиях пребывала, что каждый мужик женатый хоть раз не покобелился?

Вновь фыркнув, она поспешно ретировалась из кухни, потому что меня опять начали посещать мысли о том, как швырнуть что поувесистее, на этот раз – подумать только! – в собственную мать.

Мы с Аликой остались вдвоём. Тётя смотрела на меня со смесью сочувствия и горечи. А ещё в её взгляде сквозило восхищение. Вот только сама я этого чувства по отношению к себе не испытывала. Ощущала себя той самой старухой, оставшейся возле разбитого корыта. Ругала себя за ассоциацию, но всё равно никак не могла избавиться от того, что сейчас почти что физически давило на плечи.

– Знаю, что тебе можно сказать всё и быть уверенной в том, что ты меня никому не сдашь, – проговорила тихо, прислушавшись и убедившись в том, что мама и Лиза заняты какой-то беседой.

Наверняка не об измене Миши – в этом я не сомневалась.

– Что-то ещё случилось? – нахмурилась Алика, подаваясь ко мне. – Ты прости, Тось, что я ничего не говорю. У меня слов никаких нет попросту. Но ты верно понимаешь – я на твоей стороне целиком.

С благодарностью я улыбнулась тётё и призналась в том, что пока собиралась держать в тайне ото всех, кроме Алики:

– Я беременна. От Миши. Только сегодня узнала наверняка. Вот такие дела.

– О, Господи! – выдохнула тётя и прикрыла рот ладонью. – Счастливый отец, я так понимаю, не в курсе? – спросила она, отняв руку от лица.

– Нет, только я и вот теперь ты. И говорить я ему не стану. Пока не решила, что делать с этой беременностью.

Я произнесла эти слова тихим голосом. Почувствовала болезненный укол в сердце. Никогда не задумывалась о том, могут ли чувствовать дети на таком сроке, что их не хотят? Но у меня пока не было чёткого понимания, как всё будет происходить дальше и с какими потерями я выберусь из того, что устроил Миша.

– То есть, этот сайгак и с любовницей, и с тобой в постель ложился! – хмыкнула Алика и скрестила руки на груди. – Провериться бы тебе надо, Тоня. Говоришь, девушка у него? Молоденькая, то есть?

– Двадцать лет. Модель.

– Господи! Малинин упал в моих глазах окончательно.

Алика не смогла оставаться на месте, вскочила и стала маршировать по кухне туда-сюда. Я последила за её метаниями, пока не почувствовала, что у меня начинает кружиться голова.

- Лизка в курсе? - спросила она.

- Угу. Мы с ней вместе и были, когда притёрли моделькин мерседес.

- Его ей Миша купил?

- Я не знаю.

Я растерянно развела руками. В голове царил полнейший хаос, особенно от понимания, что мне уже вот-вот придётся столкнуться с тем, что вызывало у мужа только враждебность. Он ведь наверняка тратил на эту самую Лию суммы, которые брал из того бюджета, который можно было назвать семейным. Мы не бедствовали, конечно, на это я пожаловаться не могла, но и в роскоши не купались.

Я считала, что это ни к чему, Миша меня поддерживал, говоря, что лучше вложить эти деньги в бизнес, чтобы они приносили доход и дальше. Но вкладывал он, похоже, совсем не в бизнес.

- Я дам тебе контакты хорошего адвоката, - наконец, успокоившись, сказала Алика.

Вновь устроилась рядом, побарабанила пальцами по столу.

- И если беременность сбережешь - я тоже буду помогать. Мои оболтусы выросли, так что сил хватит твоего карапуза на ноги поставить. Кстати...

Она взглянула на часы, а я, проследив за её взглядом, нахмурилась. Старшая уже должна была вернуться из школы, обычно Надя была очень пунктуальной в этом вопросе. А если задерживалась, то обязательно звонила и сообщала об этом.

- Где Надюха? Она ещё не в курсе? - спросила тётя, налив себе остывшего чая.

- Не в курсе. И это ответ на оба вопроса.

Схватив телефон, я принялась звонить дочери, но ответом мне были лишь равнодушные гудки. Чёрт... и как я упустила то, что Надя уже должна была быть дома?

- Не отвечает, - пробормотала, закусив нижнюю губу.

- Может, к подружке забежала? Или после уроков задержали? - нахмурилась Алика.

Я помотала головой, сердце стало колотиться, распространяя по телу волны тревоги. Впрочем, длилось это состояние недолго - в замке повернулся ключ, и в квартиру вошла Надя. Живая и невредимая.

Мы с Аликой, как по команде, поднялись из-за стола и направились встречать Надю. Она пребывала в каком-то странном лихорадочном состоянии. В глаза не смотрела, разувалась и раздевалась судорожно, что родило внутри меня нехорошее предчувствие.

- Привет... ты почему так поздно? - спросила я, опять погружаясь в состояние волнения.

- Я... Мы с папой встречались, - выдохнула Надя, наконец, совладав с пуховиком, который ей удалось повесить на крючок только с третьей попытки.

Я втянула в лёгкие порцию воздуха, а вот выдохнуть забыла. Особенно когда дочь добавила следом едва ли не с восторгом:

- С ним была Лия Штерн! Представляешь, мама? Она обещала мне, что попробует и меня пристроить в модельный бизнес!

Мы с Аликой переглянулись. Я не знала, что думает об этом всё тётя, зато понимала, что у меня самой есть только желание кричать. Громко, надрывно, с ужасом, который бы сквозил в каждой ноте моего крика.

Миша действительно действовал на опережение и сделал всё, чтобы перетянуть Надю на свою сторону. Он ведь знал, что наша старшая дочь интересуется модельным бизнесом. И знал, какой трагедией для неё является тот факт, что

параметры её весьма далеки от идеальных.

– Так! Иди на кухню! – скомандовала Алика, пока я стояла и пыталась понять, что же мне со всем этим делать дальше.

Надя пожала плечами и прошествовала в указанном направлении. Устроилась за кухонным столом, посмотрела с вызовом на нас, застывших в метре от неё.

– Надюш... расскажи, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы встретились с папой, – попросила я тихо, присев на край стула напротив дочери.

Физически чувствовала напряжение, которое в основном исходило от Алики. Тётя готова была за меня горой стоять, и я была ей очень за это благодарна.

– Он написал мне, когда я уже собиралась идти из школы домой. Сказал, что проезжает мимо и что хочет меня кое с кем познакомиться.

Алика фыркнула, я повернулась к ней и дала понять взглядом – не стоит сейчас показывать никаких реакций. Вдруг вышло так, что Миша не стал говорить Наде о том, какую роль в его жизни играет Лия? Хотя, это было странно, учитывая тот факт, что и я, и Лизка уже были в курсе случившегося. И не просто в курсе, а погрузились в эту нелицеприятную историю по самую макушку.

– И он познакомил тебя с Лией Штерн, известной моделью, – подсказала тётя, когда пауза в разговоре затянулась.

Я тут же ощутила враждебность, волны которой стали распространяться от дочери. Кажется, эта сладкая парочка, мой муж и его любовница, уже успели своими посулами настроить Надю так, как это было нужно им.

– Я понимаю, на что вы намекаете. Папа сказал, что Лия – его будущая жена. Что у них скоро будет ребёнок. И что он с мамой утряс все вопросы. Вы разводитесь и всё такое, – пожала она плечами, глядя на меня.

По спине моей пробежал холодок. Кажется, Миша и его чёртова модель переиграли меня по всем фронтам.

Тяжело опустившись рядом с дочерью, я прикрыла глаза и сжала переносицу пальцами. Принялась с силой давить на уголки глаз, чтобы только не расплакаться и не выдать весь тот океан безумной боли, что сейчас бушевал в душе и переворачивал всё внутри с ног на голову.

Мне нужно было собраться. Казалось, что вокруг меня идут боевые действия, созданные руками любимого человека. Мужа, с которым мы прожили столько лет. Которого я знала больше половины жизни.

С которым мы прошли то, через что проходят без последствий от силы треть пар... И который сейчас – а ощущалось всё именно так – объявил мне войну.

– Нет, Надя... – сказала я, отняв руку от лица и покачав головой. – С папой мы ничего не утрясали, как он выразился. Но это не главное. Меня просто убивает то, как спокойно ты говоришь о том, что у твоего отца скоро будет ребёнок. И что твой отец обзаведётся новой женой.

– Но если вы больше не любите друг друга... – начала дочь, на что я её оборвала:

– Это он меня больше не любит! И если бы сегодня я не попала в аварию, в которой познакомилась с беременной любовницей твоего папы, то я бы, наверное, ничего так и не узнала.

– Узнала бы! Папа сказал, что уже сам хотел во всём признаться, просто опасался навредить Малинке.

Навредить! Да, пожалуй, Миша именно так и выразился в разговоре с Надей. Вряд ли бы дочь стала облекать действия своего отца именно в такие слова.

– А сейчас не опасается? – с насмешкой в голосе поинтересовалась Алика.

– А сейчас всё выплыло наружу само, – пожала плечами Надя.

Я смотрела на неё, старательно отводящую глаза, и мне чудилось, будто бы между нами стоит непробиваемая стена, которую сейчас выстроила и продолжала выстраивать моя собственная дочь.

Но существовать так и дальше мы попросту не сможем. Ведь я уже привыкла к тому, что с обеими девочками могу обсуждать едва ли не всё, учитывая их возраст, разумеется. Потому и предприняла попытку, что называется, поговорить по душам, как мы часто это делали со старшей дочерью раньше.

– Надя, твой папа очень сильно меня обидел. Не иначе как оскорблением, его измену сроком в год я счесть не могу, уж извини.

– Мам... папа сказал, что это только ваше дело. И я считаю, что он прав. Его отношение к нам, как к своим детям, не изменится. А взрослые разводятся и живут отдельно, так бывает.

Те фразы, что говорила дочь, показались мне словно бы выученными. Как будто Надя шла домой с чётким пониманием, что попадёт едва ли не на экзамен. И вот теперь выдавала заранее заготовленные фразы-ответы.

– Надюх, слушай... Неужели ради обещанной карьеры модели можно забыть обо всём? – спросила тётя, глядя на Надю сверху-вниз.

– Аль, ну о чём я забыла?

Надежда всплеснула руками и вскочила на ноги. Тётя была для неё тем человеком, ко мнению которого она всегда прислушивалась. Они даже на «ты» с ней были. И сейчас, очевидно, понимая, что Алика встала на мою сторону, Надя была готова воевать ещё и с ней. Подумать только, за место под солнцем, обещанное моделькой, с которой год спал её же отец!

– Об уважении. Вот, о чём ты забыла. О том, что так, как сегодня поступил твой папа, дела не делаются. И что год жить на две семьи – это означает втаптывать в грязь всё хорошее, что он видел от твоей мамы. Ты уже взрослая девочка. Раз понимаешь свои перспективы, которые тебе пообещали за то, чтобы ты встала на сторону отца, должна понимать и то, что маме ты сейчас делаешь больно.

Надя закатила глаза. Лицо дочери пошло белыми пятнами.

– Я делаю маме больно тем, что выбираю свою жизнь? Не её, когда мы обе будем сидеть и плакать в подушку? Это от неё муж уходит, а не от меня! А мой папа

так и будет присутствовать в моей жизни дальше! И не нужно это у меня отнимать!

Пролетев к выходу из кухни, Надя хлопнула дверью в свою комнату. Наверняка её слышали и мама, и Лизка. Но у меня уже не было сил ни на то, чтобы идти следом за дочерью и продолжать этот разговор, в котором всё было ясно и так. Ни на то, чтобы обсуждать это с Аликой. Тётя тоже не стремилась беседовать о случившемся снова. В том, что произошло, всё тоже было яснее ясного.

– Хочешь, сегодня у тебя с ночёвкой останусь? – спросила Алика, когда в прихожей показалась мать, сообщившая, что ей, пожалуй, пора домой.

Я помотала головой. От мыслей о том, что останусь одна с настроенной побоевому старшей дочерью и плачущей младшей, становилось не по себе. Но это были мои дети, мне с ними и предстояло вести диалог дальше.

Мне предстояло встать утром и приготовить завтрак, потому что наша обыденная жизнь будет течь дальше, вне зависимости от того, живёт с нами теперь Миша или нет.

– Спасибо, не нужно. Я провожу, – натянуто улыбнувшись Алике, я поднялась из-за стола и прошествовала следом за ней в прихожую.

Пока тётя одевалась, мы все трое молчали. Мама так и вовсе делала вид, что ничего экстренного не произошло, хотя, наверняка видела по Малинке, как той горько и больно.

– Всё, до встречи, – помахала я рукой Алике, когда они с мамой вышли в общий коридор и мы уговорились созвониться завтра.

А стоило мне закрыть за ними дверь, я услышала с той стороны, где располагались комнаты девочек, какую-то возню и приглушённые всхлипывания, перешедшие в ругань. И, судя по этим звукам, мои дочери, две сестрёнки, которые друг друга обожали... дрались.

– Может, стоит дать глазам немного отдохнуть? – спросил Михаил, присаживаясь в ногах Лии и, положив их себе на колени, начиная массировать ступни будущей жене.

Это была особенно сексуальная часть её тела. Он, как чёртов извращенец, возбуждался от одного только вида, когда смотрел на тонкие щиколотки, изящные ноги, длинные пальцы. У Лии всегда был идеальный педикюр, неброский, просто подчёркивающий природную красоту.

Смешно, но он и запал первым делом именно на ступни, когда ошибся этажом в отеле, в котором провёл две ночи командировки. Тогда он, чертыхаясь, усиленно пытался открыть дверь, а когда не вышло, на пороге появилась не слишком довольная ночным вторжением Лия.

Босая, кутающаяся в шёлковый короткий халатик. И он пропал.

– Может, – пожала плечами Лия и, сняв тёмные очки, отложила их и смартфон на резной столик, стоящий возле дивана.

Месяца три она страдала от какой-то болезни, когда сетчатка очень остро реагировала на свет, потому почти всегда ходила в тёмных очках. В последнее время почти не снималась – сказывалась беременность. Хотя, Миша порой и задавался вопросом, почему Лия не согласится на одно из предложений по рекламе одежды для женщин в положении. Ему бы точно это понравилось – весь мир увидел бы, что у Лии есть мужчина. Тот, кто является отцом её ребёнка и вскоре станет мужем.

– У меня из головы не идёт сегодняшнее утро, – пожаловалась она, прикрывая глаза и удобнее устраиваясь на диванных подушках. – Как такое могло произойти?

Миша сделал вид, что задумался, изрёк философски:

– Это судьба, наверное, что за рулём сидела именно Тоня.

Как бывало всегда, когда Лия слышала имя его жены, лицо её закаменело. Впрочем, на этот раз она быстро взяла себя в руки.

– Я ей, конечно, наговорила всякого, – передёрнула она плечами. – Но в основном же была права.

Она открыла глаза, приподнялась на локтях и посмотрела на Мишу с вызовом. Почти прозрачные колдовские глаза сейчас показались ему ледяными.

О, сколько раз и он сам чувствовал ту холодность со стороны Лии, когда она всячески показывала ему в первые месяцы после их знакомства – между ними стена. Позволяла за собой ухаживать, дарить дорогие подарки, но к себе не подпускала. Когда оказался в её постели – посчитал это едва ли не чудом, а себя – самым счастливым сукиным сыном на Земле.

– Не могу понять, как в её возрасте не пользоваться услугами косметолога и не бегать на уколы раз в полгода хотя бы.

Она начала говорить с раздражением, садясь на любимого конька. Лия была очень придирчива к внешности, причём порой под её горячую руку попадали и мужчины. Кто-то, по мнению Лии, отвратительно одевался, кто-то выглядел в тридцать на все пятьдесят. А уж про косметологию она могла и вовсе говорить бесконечно. Нужно ли говорить, что у Лии теперь, стараниями Михаила, была сеть своих салонов красоты, причём весьма дорогая во всех смыслах этого слова?

Но так ему казалось правильнее – Лия всё равно вряд ли сможет вернуться к съёмкам в ближайшее время, а сидеть без работы она не привыкла. Хотя, у Михаила и теплилась надежда на то, что она вовсе откажется от карьеры фотомодели. Все эти длительные поездки, в которых он едва ли мог её сопровождать, воспринимались им без особого восторга.

– Антонина другая, – уклончиво ответил он, продолжая разминать и поглаживать ноги Лии.

– Пф! Другая! Борщи и носки, а в тридцать пять выглядит на сорок три минимум! Нет уж, увольте меня от такой жизни!

Что Лия имела в виду под «такой жизнью», Михаил спрашивать не стал. Хотя, примерно понимал, что речь о быте, который так или иначе поглощает каждую семью. Но убеждать сейчас её, что ничего страшного не видит в том, чтобы жена

– ну или муж – приготовили домашней еды, не стал. Лия всегда реагировала на это весьма остро.

Она снова улеглась, прикрыла глаза и устало вздохнула. Беременность в последнее время давалась ей непросто. Тонкая, словно фарфоровая статуэтка, Лия плохо переносила тот факт, что её стройность осталась на время в прошлом. Бесконечно натиралась какими-то кремами – у неё их в ванной была целая батарея. Жаловалась, что чувствует себя бегемотом, хотя живот для её срока был весьма небольшим. И даже несколько раз заявляла, что перестанет есть на последнем месяце беременности, чтобы совсем не превратиться в бочку.

Михаил это всерьёз не воспринимал. Лия, конечно, была весьма импульсивной, но в её разумном подходе к жизни и, особенно, к здоровью он не сомневался. Потому, чтобы перевести тему в более безопасное русло, спросил:

– А как тебе Надя? Мы так и не обсудили. Думаешь, получится у неё карьера фотомодели?

Лия наморщила нос. Ненадолго, тут же одумалась и вновь приняла спокойный вид. Даже холодный.

– Миш... мы с тобой ведь это обсуждали, когда ты показывал мне фотографии.

Её тон был отстранённым. Казалось, поднеси к губам Лии бокал текилы, как кромка его покроется снежинками, сотканными из льда.

– У Нади красивая фигура, но слишком короткие ноги. И плотный, даже широкий зад. Сейчас такое не в моде. Ну и внешность – ничем не запоминающаяся.

Она села прямо, после – по-турецки, и Миша испытал недовольство из-за того, что больше не мог массировать ступни Лии.

– Но в то же время я спрашивала – на что готова Надя для того, чтобы обрести карьеру модели?

Лия взяла со столика очки, нацепила их на нос и, поднявшись, отошла к окну. На Михаила она не смотрела, но ему очень нравилась эта отстранённость той, кто

последний год владел всеми его мыслями. Потому что он до сих пор не мог понять, как приручить эту двадцатилетнюю женщину, которая смыслила в том, как завлечь мужчину, гораздо больше, чем Тоня.

- Она готова на всё, - сказал он, глядя на Лию.

Та повернулась к нему и пожала плечами.

- Не думай - я не хочу обидеть твою дочь, когда говорю, что она никому не запомнится. Просто сейчас такие времена. Во внешности должна быть изюминка. У меня она есть, но имеется ли у Нади?

Лия передёрнула плечами и, выпрямив спину, вновь отвернулась и стала смотреть за прозрачную преграду стекла.

- Впрочем, на Наде не стоит ставить крест, - сказала через время Лия.

Миша выдохнул. Сегодняшний день, когда он был вынужден обнажить перед Тоней самое сокровенное, стоил ему слишком больших нервов. Но не о себе был должен думать Миша, а прежде всего о Лие. Это она являлась будущей матерью его ребёнка, ей грозила потеря зрения, несмотря на которую она всё же пошла на то, чтобы выносить их сына.

- Всё же сможешь пристроить дочь? Я многое бы за это отдал, - поднявшись со своего места, он подошёл к любовнице и, положив руки ей на плечи, сжал.

Не слишком крепко, но ощутимо.

- Многое? - приподняв бровь, спросила Лия, повернувшись к нему.

- Тебе - всё, - усмехнулся он одним уголком губ.

Она приподняла очки, в глазах Лии разлилась темнота. Теперь из льдистых они превратились едва ли не в два чёрных бездонных колодца.

- Сначала тебе придётся разобраться с твоей женой. Наверняка она захочет оттяпать половину, хотя, я этого и не понимаю. Если была нахлебницей всё это

время – закон должен защищать прежде всего мужчину, а не ту, которая сидела на шее.

Она фыркнула и, сбросив руки Миши с плеч, направилась к выходу из комнаты.

– Тоня работает. Она не нахлебница, – предпринял он не слишком веселую попытку выгородить жену. Хотя, и сам не раз в разговоре с Лией рассказывал о том, что Тоня если и зарабатывает – то только себе «на булавки».

– О! Где она там работает? – всплеснула Лия руками. – Лепит какие-то свои поделки? И много ей это приносит? От силы на хлеб и кильку в томате. Так что помяни моё слово, Миша, эта женщина точно пойдёт на всё, чтобы выгрызть зубами половину бизнеса и имущества.

Лия начала входить в раж, Малинин это состояние уже знал. По Антонине любимая могла прохаживаться регулярно, хотя до сегодняшнего дня знала её лишь заочно. Ему даже порой казалось, что Лие доставляет удовольствие та ситуация, когда она не называлась его женой, но занимала то место, главнее которого, пожалуй, в его жизни не было отведено ещё никому.

Он вновь подошёл к ней и, улыбнувшись, спросил:

– Я могу остаться сегодня? Домой мне теперь уж точно не надо.

Лия нахмурила идеально очерченные брови, подумала немного.

– Нет, прости, Миш, был очень нервный день, хочу побыть одна.

Они сразу, как только Михаил дал знать, что у него по отношению к ней серьёзные намерения, условились, что Малинин не станет ей докучать. Лия привыкла жить одна, свою территорию, как она её называла, делить ни с кем не собиралась даже после свадьбы. Михаила это тоже устраивало, даже показалось весьма прогрессивным, ведь в таком случае они бы с Лией вряд ли друг другу надоели.

А сейчас совместные ночёвки, и без того редкие, почти сошли на нет. Хотя, и это Малинин списывал на усталость Лии от беременности и от ухудшения состояния

здоровья, связанного с тем, что она носила его сына.

Он вздохнул, но улыбаться не перестал. Одна, значит одна.

И прежде, чем уехать, сказал:

– Хорошо, любимая, пойду наберу тебе ванну. А потом – к себе.

Сидя возле двери, ведущей в кабинет Галины Викторовны, я испытывала то ледяное спокойствие, то ощущение, что у меня зубы вот-вот раскрошатся друг о друга, настолько сильно они стучали. Решение было принято мною не сразу – прошла пара дней прежде, чем я поехала в консультацию. Пара дней бесконечных ссор Лизы и Нади, которые находились по разные стороны баррикад. Пара дней, когда я проводила долгие беседы с детьми, уже зная, что старшую дочь мне ни в чём не переубедить.

Пара дней, когда мне казалось, что провалилась в кошмарный сон и стоит только распахнуть глаза, как всё исчезнет. Я распахивала их, но становилось только хуже.

– Малинина... Раз ты пришла, значит, вынашивать ребёночка не планируешь? – такой фразой встретила меня Галина Викторовна, когда подошла моя очередь заходить в кабинет.

– И вам доброе утро, – вздохнула я и, устроившись напротив врача, опустила взгляд.

Я физически ощущала, как Галина Викторовна пристально на меня смотрит. У неё я вела предыдущую беременность, благодаря ей родилась Малинка, потому что существовала угроза на раннем сроке. И именно она помнила, как я, заливаясь слезами, просила сохранить нашу вторую дочь.

И вот теперь я своими руками планировала убить третьего ребёнка, ведь именно от моего решения зависела его жизнь.

– Не нужно на меня так смотреть! – начала я закипать, когда подняла глаза и встретилась с испытующим взглядом. – Мне сейчас ну никак нельзя рожать.

– Почему? Опять скажешь про возраст?

– Про возраст, ага. – Я горько улыбнулась и хмыкнула. – Тот возраст, когда мне скоро сорок, а от меня муж ушёл к двадцатилетней.

Я не сдержалась – почувствовала, как по лицу бегут солёные дорожки слёз. Это дома старалась быть Железной Леди. А тут... тут эмоции взяли верх и я, закрыв лицо, разрыдалась. Правда, длилось это недолго. Взяв себя в руки, отняла ладони от заплаканных глаз и улыбнулась, видя, что Галина Викторовна протягивает мне упаковку бумажных платков.

– Так. Рассказывай всё. Я говорила – в кабинете этом сижу давно, ещё и не такое бывало.

Она поправила очки на переносице и воззрилась на меня с искренним участием и вниманием. Впервые за то время, что прошло с дня, когда узнала об измене Миши, я почувствовала свободу. В том, чтобы выложить всё, как есть. Свои чувства – прежде всего. Ведь одно дело открываться родным людям и совсем иное – той, кто смотрел на эту ситуацию со стороны.

– Понятно, – вынесла вердикт Галина Викторовна, когда я закончила краткую историю. – Думаешь, что не выдюжишь с тремя детьми?

– Думаю, что сейчас я уж точно не в том эмоциональном состоянии, чтобы вынашивать ребёнка в принципе, – вздохнув, сказала врачу.

От этих слов внутри кольнуло горечью.

– Тогда давай поступим так. У тебя три дня – сдашь анализы, я договорюсь с больницей, куда тебя на пару суток положат. Приедешь туда в четверг к десяти.

Она взялась что-то писать, а я сидела и смотрела на Галину Викторовну с ощущением беспомощности и безысходности. Три дня... Три дня, когда я вновь буду крутить в голове мысли, то уверяться в правильности решения, то считать

избавление от ребёнка самой большой глупостью.

– А можно как-то пораньше? – спросила тихо, на что врач тут же замотала головой.

– У меня – точно нельзя. Без анализов я тебя попросту никуда не направлю. Собирай вот это всё по списку, а через три дня – в больницу.

Она вручила мне стопку направлений, взяв которые, я поднялась и, попрощавшись, направилась к выходу из кабинета.

– Малинина! – окликнула меня врач, когда я уже открыла дверь, чтобы выйти в коридор.

Я обернулась и посмотрела на Галину Викторовну вопросительно.

– Поверь мне – тебе эти три дня нужны гораздо больше, чем ты думаешь.

Я постояла немного, размышляя над сказанным. Спорить и заверять врача в том, что она не права, у меня не было ни сил, ни желания. Кивнув я покинула её кабинет.

А когда приехала домой, обнаружила в общем коридоре Мишу. Одной рукой он держал объёмную пустую сумку, а второй – открывал замок двери в нашу квартиру.

– Ты один?

Вопрос сорвался с моих губ помимо воли. Я ведь прекрасно видела, что никаких моделек в радиусе нескольких метров от мужа сейчас не наблюдалось.

– Один, – хрипло ответил Малинин и, всё же совладав с замком, распахнул дверь и кивнул, мол, ты первая. – И привет.

Я прошла мимо него, быстро разулась в прихожей. Миша молча стаскивал верхнюю одежду, предварительно кинув сумку на пол. На память непрошеными пришли мысли о том, как мы и раньше возвращались вдвоём домой из театра,

или, скажем, ресторана. И вот так же стояли в прихожей, обмениваясь впечатлениями. Или шутками. А сейчас гнетущая тишина, которая ещё больше отдаляла нас с мужем друг от друга, казалась особенно убийственной.

– Я соберу вещи – только самое необходимое, – сказал Малинин, когда я, нацепив домашние тапочки, обхватила себя руками и стояла, смотрела на то, как муж осматривается, видимо, в поисках того, что нужно забрать с собой. – Свой чёрный чемодан тоже заберу. Но не прямо сейчас. За ним и за техникой через пару часов приедет Корнилов.

Я задохнулась новой порцией кислорода. Корнилов Вадим. Наш общий друг. Больше Мишин, чем мой, конечно, но я считала, что имею право называть его близким человеком и для себя, и для нашей семьи. Выходит, он тоже знал о измене Миши? Знал и молчал? Или просто согласился прибыть сегодня и вывезти скарб Малинина, а сам не задавал лишних вопросов? Бред. Зная Вадима, я могла побиться о заклад – он был тем единственным человеком, который мог попытаться вправить Мише мозги.

– Вадик уже сказал мне всё, что думает по этому поводу, – словно прочитав мысли, усмехнулся криво муж. – Но помочь перетащить барахло он не против.

Я пожала плечами, изо всех сил делая вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. На деле же испытала желание сбежать из собственного дома. Пусть разбирались бы здесь без меня – и с вещами, и с тем, что перевезти их согласился один из лучших друзей нашей развалившейся семьи.

– Я буду на кухне, – сказала мужу холодным, насколько это было возможно, тоном. – Надеюсь, лишнего ты с собой не унесёшь.

Я увидела, как в глазах Малинина полыхнула вспышка ярости, но он быстро взял себя в руки и, ни слова не говоря, пошёл в нашу комнату. Стоять рядом и проверять, забирает ли муж то, что полагается, было выше моих сил, потому я направилась на кухню, чтобы выпить чая с мятой и попытаться хоть немного прийти в себя.

Поймала себя на том, что сижу и чутко прислушиваюсь к звукам, доносящимся из квартиры. Чай уже давно остыл, я к нему почти не притронулась. А когда и дальше оставаться на месте и ждать стало невыносимым, Миша пришёл на

кухню сам. Ни слова не говоря, устроился напротив и вдруг сказал:

– Мне очень жаль, что всё вышло именно так. Я бы всё сказал совсем скоро. Сам. Но...

Мои брови поползли едва ли не на макушку. Ему было жаль?

– Ты сам выбрал свою Лию, а не семью, – ответила с горечью в голосе, которую даже не пыталась скрыть.

– Мои дети останутся моими, будь у меня хоть десять Лий! – с вызовом откликнулся Малинин.

Я невольно рассмеялась. Уж как раз в вопросе детей никто Мише не угрожал. Оставляя его без общения и с Надей, и с Лизой я не собиралась.

– Где ты собираешься жить? – спросила, чтобы иметь представление, как дальше станут протекать встречи с девочками.

Не планировал же Малинин забирать их на выходные, скажем, в квартиру, где проживает с Лией? И вообще я должна была прояснить для себя этот вопрос – снимает ли он квартиру для любовницы? Есть ли у него имущество, помимо того, о котором я знала? На днях собиралась к адвокату. Конечно, он бы всё равно вытащил всю подноготную, но и от Миши услышать ответ хотелось.

– У меня есть квартира фирмы, – уклончиво ответил он. – Как помнишь, она принадлежит отцу. Я – его единственный наследник.

Последние слова он произнёс с вызовом, как будто рассчитывал на то, что я сейчас брошусь оттяпывать у него то, что он успел напокупать за моей спиной.

– А Надя и Лиза – соответственно, наследники твои. Об этом забывать не стоит.

Я сказала это ровным тоном, но Миша, похоже, воспринял сказанное по-своему. Его глаза вновь потемнели, он подался ко мне так близко, что я невольно отшатнулась. И вдруг ошаршил:

– Я и не забываю. Но моё дело перейдёт сыну. А что касается моих дочерей...

Он посмотрел на наручные часы и добавил, пригвождая меня к месту:

– Надя как раз собралась уйти с последних уроков. Скоро приедет собирать вещи, потому что жить дочь будет со мной. Она так решила.

Я и не подозревала, что могу испытывать настолько адский коктейль эмоций. Сотканный в основном из злости и желания убивать, он поднялся из самых глубин моей души и объял целиком.

– Выматывайся, – процедила я, поднимаясь из-за стола.

– Что? – не понял Миша, на лице которого мелькнула растерянность.

– Выметайся из моего дома! – выкрикнула, уже не обращая внимания на то, что голос схож с ультразвуком. – Вон, я сказала!

Подлетев к мужу, я схватила его за шиворот рубашки. Дорогая ткань затрещала под моими пальцами.

– Вон из моего дома!

Последний выкрик прозвучал истерично-визгливо. Плевать!

– Хватит! – рявкнул Миша, подскакивая с места и уворачиваясь от моих рук.

А мне нужно было дотянуться до него физически, схватить, потрянуть, вышвырнуть. Несмотря на то, что муж был на голову выше меня, а в плечах – шире в два раза.

Он сжал мои руки, толкнул спиной в стену и притиснул к ней. Я забилась, пытаюсь высвободиться, чувствуя, что начинаю задыхаться.

– Это и мой дом тоже, не забывай! – процедил Малинин, склонившись к моему лицу. – И моя дочь не хочет здесь жить, поняла?

– Я сама с ней поговорю! Отпусти меня немедленно! Сволочь! Ненавижу тебя!

Я вновь принялась дёргать руками и ногами, но Миша держал крепко. Причинял боль, которую я ощущала словно бы через пелену, и не собирался отпускать. Видимо, опасался, что продолжу его лупить.

– Мам... папа, что здесь происходит?

Голос Нади, обеспокоенно-испуганный, донёлся до меня как будто через что-то ватное.

Михаил тут же отступил, я же перевела взгляд на дочь, застывшую в метре от нас.

– Происходит, что я узнала... от твоего... отца, – переводя дыхание, начала, чувствуя, что перед глазами всё плывёт.

Тяжело оперлась на стену, попыталась глубоко вдохнуть, чтобы хоть немного справиться с тем мороком, в который погружалась всё глубже. Ещё не хватало сейчас хлопнуться в обморок, а очнуться с приездом скорой, которая объявит во всеуслышанье, что я беременна.

И хотя я понимала, что это невозможно, мысль о подобном пугала до чёртиков. Она же и отрезвила, дала возможность прийти в себя.

– Мам... Я сама хотела с тобой поговорить, – сказала Надя, поджав губы и переглянувшись с Малининым.

Я хмыкнула и вновь устроилась за столом – ноги меня уже не держали.

– Хотела до того, как всё решила и сговорила с папой, или только сейчас тебе в голову пришла эта светлая мысль?

Надя насупилась, стояла, сжимая в руках ремень школьной сумки и смотрела себе под ноги.

– Давайте поступим так...– сказал Миша, уже полностью справившись со своими эмоциями.

Он выглядел собранным, даже отстранённым. Холодным настолько, что вновь стал тем чужим человеком, при взгляде на которого я впадала в ступор от осознания, что прожила столько лет с незнакомцем.

– Я сейчас уеду. У меня ещё море дел. Скоро приедет Корнилов, – это он уже говорил скорее Наде, чем мне. Та кивнула. – Он заберёт мои шмотки, твои, Надюх, если ты не передумаешь, тоже. Отвезёт тебя ко мне.

– Я не передумаю! – тут же с жаром заявила дочь.

Я искривила губы в горькой усмешке. За что они так со мной? Что такого я сделала и в чём ошиблась, за что сейчас и расплачивалась? Была не слишком любящей женой и матерью? Не слишком заботливой? Да они втроём и были моей жизнью – Лиза, Надя и Миша. Всем моим миром, который сейчас не просто шёл трещинами, а почти что рухнул в бездну.

– Тогда так и сделаем, – кивнул Михаил. – Вечером увидимся, ключи привезёт Корнилов, – сказал Малинин и, так и не взглянув на меня, вышел из кухни, предварительно чуть сжав плечо дочери.

А через полминуты уехал, и мы с Надей остались наедине. Что говорить ей, я не знала. Передо мной стоял совершенно взрослый человек со своими желаниями и потребностями. Я это осознавала на все сто. Сама в семнадцать была такой – никто мне и слова поперёк сказать не мог, потому что я уже выросла.

– Ну что, дочь, поговорим? – спросила у Нади, и та раздражённо вздохнула.

– А о чём тут говорить, мам? Я же сказала, что не передумаю.

Она всё же присела на край стула и добавила прежде, чем я бы вставила хоть слово:

– Я хочу жить с папой, но это не значит, что я перестала тебя любить. И Малинку тоже не перестала. Просто с отцом мне всегда было... комфортнее.

Вот как... комфортнее. Вроде бы ничего криминального в словах дочери не было, однако сейчас я смотрела на всё не через призму любящей матери, готовой на всё, а через призму человека, которого смертельно обидели.

Это ведь я сидела ночами рядом, когда они с Лизкой болели. Я предвосхищала их желания. Пойти в магазин и не купить дочкам вкусенького? Абсурд. А Малинин даже и не задумывался о подобном. Часто приходил за полночь, просто заглядывал в спальни к дочкам и отправлялся спать сам. Все заботы лежали на моих плечах и всех всё устраивало. А оказалось, с папой Наде всё это время было комфортнее.

– Где вы будете жить, ты знаешь? – спросила у дочери. – Что там за квартира? Лия тоже там обитает? Или у них с твоим отцом гостевой брак?

Я невесело хмыкнула, а Надя посмотрела на меня волчком.

– Лия живёт отдельно. У папы двухкомнатная квартира, он так сказал. Мы будем жить там вдвоём.

Я прикрыла глаза и мысленно приказала себе собраться. О том, что сейчас слушаю про параллельную жизнь мужа, поразмыслю потом.

– Значит, у вас уже всё решено, – сказала я скорее себе, чем Наде.

На что дочь закивала.

– Решено. А сейчас я пойду собирать вещи. И мам... я тебя люблю, правда. Но так будет для меня лучше, поверь.

После чего она, вскочив со стула, почти что сбежала из кухни, демонстрируя тем самым, насколько тягостно ей было находиться рядом со мной.

Что ж... это было моей новой реальностью и в ней мне и придётся существовать дальше.

Первым делом я взялась за обед для Малинки. Совсем скоро она должна была прийти из школы, потом дочь нужно было отвезти на занятия спортом. Я как раз

варила бульон для быстрого супа-выручайки, когда мне на телефон пришло сообщение от Алики:

«Готова побыть провожатой для Лизы, вечером упадём у тебя и обсудим адвоката. Как Надя?».

Я невольно улыбнулась, прочитав послание тёти. Сама как раз размышляла, что будет, если оставить дом в распоряжение Корнилова и Нади и, быстро покормив Малинку, уехать с ней на занятия акробатикой. Пришла к выводу, что мне бы хотелось поговорить с Вадимом. Выяснить, что он думает о сложившейся ситуации.

Я не раз видела искреннее восхищение собою со стороны Корнилова. Что и говорить, оно мне льстило. Вадим не позволял себе каких-то двусмысленных намёков или шуточек, за которыми можно было спрятать лукавый подвох. Он просто открыто и без экивоков мог похвалить меня и сказать, что Мише досталась самая лучшая жена на свете. А сейчас я невольно задавалась вопросом – не передумал ли Корнилов? Не считал ли, что теперь Малинин отхватил себе супер-приз в виде своей модельки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/reu_polina/izmena-ya-ot-tebya-uhozhu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)